

Бедные родственники

Татьяна Викторова

Татьяна Викторова

Бедные родственники

<https://litres.ru/72927477>

SelfPub; 2025

ISBN 1

Аннотация

<p>"Бедные родственники" - так называется сборник из 30 рассказов Татьяны Викторовой, известного автора на Дзен. Удивительные события из жизни обычных людей, семья, отношения в семье, любовь, дружба - трогательные, теплые истории для уютного вечера. </p></p>

Содержание

Бедные родственники	6
Тридцать три копейки	19
Лётчик	29
Держись за меня	41
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Татьяна Викторова

Бедные родственники

Содержание

Бедные родственники

Тридцать три копейки

Летчик

Держись за меня

Тетка

Потерявшаяся жена

Новый родственник

Чудо

Муж на курорте

Повариха

Хозяин

Жениха хотела

Умница

Здесь был Жора

Последний выстрел

Любой ценой

Прости, не успел

Попал ты, Мишка

Нянька

Разбогатела

Самозванка

Разрешите вас пригласить

Письмо из прошлого

Звонкая Маша

А по утрам мы будем пить зеленый чай

Рыночная моя

Шляпка

Братаны

По-соседски

Кто приходил

Бедные родственники

С самого утра в доме Самариных было шумно. Хозяйка курсировала между комнатами, как юркий катерок, что-то перекладывая, или что-нибудь искала, потом, вспомнив, бежала на кухню. Наконец вернулась в зал, где, словно меряя квадратные метры, деловито прохаживался муж Сергей, пытаясь доказать теще, что подарок она выбрала неудачный.

– Галя, ну скажи, что я прав, – обратился он к жене, – ну зачем Первушиным какие-то подушки, одеяло... к тому же юбилей у Павла, а подарок получается «бабский»...

– А что, мужики на подушках не спят разве? Или ты, Сережа, на голом полу спишь? – заметила теща, сидя на диване. – Анна, Пашина жена, вот на днях хвасталась, что квартира у них новая, большая квартира... неужели не пригодится... я и покрывало на двуспальную кровать купила... богатый получается подарок.

– Да все равно мы для них «бедные родственники», – махнул рукой Сергей.

– Ой, да что вы мне голову морочите с этим подарком, – возмутилась Галина, двоюродная сестра Павла, который в субботу собрался отмечать юбилей. – Завтра уже ехать, а у меня – «конь не валялся», в салон красоты из-за вас не успеваю.

– Ты же вчера ходила, – удивился Сергей.

– Так это вчера было, а еще сегодня вечером надо...

– Ну а подарок как? – не унималась теща. – Скажи, доча, что правильно я сделала...

– Вы, мама, всегда выпросите поддержку, – сказал Сергей. Он называл тещу мамой, но на «вы».

– Ладно, не цепляйся, – заметила Галя, – что уж теперь, может подарок и не ахти для Первушиных, но как говорится, «дареному коню в зубы не смотрят», пригодится в их большой квартире...

– А я что говорила? – ободрилась Нина Ивановна. – Зря что ли я по магазинам ноги била, искала, вас старалась разгрузить от забот, вам же некогда вечно...

– Спасибо вам, мама, может в ножки поклониться? – ехидно спросил зять.

– Папа, не трогай бабулю, – вмешалась старшая дочь Самариных Вика, – у нее давление.

– Ага, как по «русскому меня гонять», так никакого давления, – вставил свое мнение младший сын хозяев дома.

– А ты, Артем, помалкивай, тебя не прашивали, лучше бы учился хорошо, тогда и по русскому не надо гонять, – строго заметала Галя, – и вообще, не твое это сейчас дело.

Пудель Арчи, наблюдавший за всеми домочадцами, весело тьякнул.

– Вот тебя еще не спрашивали, – заметил Сергей. – Артем, бери Арчи и иди к себе, мы тут сами решим.

– Нет, ну если вам не нравится подарок, – теща стала с

обидой разглядывать покрывало, – то и не надо мне ваших денег, к тому же Паша – мой племянник...

– И мой двоюродный брат, – ответила Галя. – Так что не надо, мама, нагнетать обстановку, я и так вся на нервах.

– Кто нагнетает? я что ли? Мы же советовались, что купить, вы сказали в голос: «купи, мама, на свой вкус».

– Ну, поторопились мы со вкусом, – заметила Галя. – Если уж на то пошло, то Первушины – люди важные. Это уже не тот Пашка, что гусей по деревне гонял, это уже Павел Григорьевич... при должности, у них и гости особенные... а я тут из-за вас еще себя не собрала, в кои-то веки в приличное общество пригласили...

– Ну да, ну да, – буркнул Сергей, – за пять лет первый раз пригласили, а то и знать не хотели.

– Ну что же нам обиды сто лет помнить?

Нина Ивановна продолжала что-то еще доказывать про подарок и не заметила, как Арчи, игнорируя Артема, управляется с покрывалом (одной из подушек тоже досталось).

– А ну брось! – закричала Галя. – Мама, ты что, не видишь, собака покрывало мусолит?

– Ой, батюшки! – Нина Ивановна ахнула, заметив испорченный подарок.

– Артем, я тебе что сказал?! – Закричал Сергей. – Почему собаку не увел?

Артем влетел взъерошенный, застав следы «преступле-

ния» Арчи.

Пес виновато убежал в угол, и, отвернувшись от всех, стал тихо скулить.

– Ну, ну, поругай сам себя, негодник, нашел момент, – строго сказал Сергей.

Теща прижала покрывало к груди и расплакалась. Тихо так, почти беззвучно, как будто силы покинули ее. Всем своим видом она показывала, что все пропало.

Сергей виновато взглянул на тещу. Стало жаль ее. – Ну ладно, мама, это же всего лишь тряпка, есть же выход из положения.

Нина Ивановна молча встала, взяла коробку с иголками и нитками, также молча села и смиренно стала штопать.

– Мам, ну все уже, это мы дарить не будем, подушки только остались, да одеяло ну еще что-нибудь купим, – сказала Галя. – Да и вообще, Первушины любят вещи дорогие, ты же знаешь... особенно Анна.

Все притихли, усевшись, кто на диван, кто в кресло.

– Мам, а где мое платье... ну то, которое я в Москве купила? – спросила Вика.

– А тебе зачем?

– Ну, нормально, что за вопросы, я ведь тоже иду.

– Не знаю, Аня ничего на счет тебя не говорила.

– Всю семью позвали, значит и меня... или взрослую девушку решили не приглашать?

– Ой, я даже не спросила, вообще они про нас с папой

говорили и про маму, а про детей... как-то промолчали.

– А я? – крикнул Артем. – Я иду?

– Ну, детям точно нечего делать, – сказал Сергей. – Вика, ладно, взрослая уже, а тебе рано еще.

– Подумаешь! Я тогда дома буду... короче, играю на компе, сколько хочу...

На несколько секунд повисла пауза, словно наступила передышка после спора. Телефонный звонок вывел из оцепенения всю семью, Галя встрепенулась: – Аня Первушина звонит... тихо все, – приказала она. – Да, Анечка, здравствуй, готовимся, готовимся, завтра к вам...

– Да-да, хорошо, ждем... я вот что подумала, – звонкий голос Ани был слышен всей семье, – вы лучше нам деньгами... так практичнее, а то подарите... ерунду какую-нибудь... ну, сама понимаешь, зачем нам ненужное...

Радужное выражение Галиного лица сменилось на печальное, словно за окном было беспросветно-серое небо, она кивнула: – Да, конечно...

– Ну и Сергея там предупреди, чтобы анекдоты не травил... ты же понимаешь, какие у Паши гости, люди важные, нужные...

Галя изо всех сил прижимала телефон к уху, но голос Анны все равно был слышен. Попрощавшись, она отключила телефон и виновато посмотрела на мужа и на мать.

Нина Ивановна еще больше сникла и продолжала монотонно штопать покрывало.

Сергей с досады потер шею, словно она у него заболела, потом резко присел на диван рядом с тещей. – Мама, вы поднимите руку... вот так... повыше, а теперь опустите и скажите: «Ну и ладно!»

– Да знаю я этот трюк, – с грустью ответила Нина Ивановна.

– Короче, бросьте вы все это, подарим деньгами, слышали же, – предложил Сергей.

– Ну а ты, доча, что сидишь? – спросила Нина Ивановна. – Красоту же хотела наводить...

– Да что-то расхотелось, вообще настроения нет... на юбилей идти. Прав, Сережа, как были мы бедными родственниками, так и остались ими, ишь, «ерунду подарите», могла бы и раньше сказать, что деньгами надо...

– Да ладно ты, Галка, я не в обиде, буду весь вечер молчать, никаких анекдотов.

На другой день августовское субботнее утро порадовало солнышком. Самарины бегали по комнатам, спешно собираясь. Арчи носился следом, радостно потягивая.

– Ах ты, шкодник, понял, что на дачу собираемся, – бросил на ходу Сергей, и пес словно понял его, подпрыгнул, выказывая всем видом, что рад предстоящей поездке.

– Ну вот, из-за вас без компа остался, – удрученно заявил Артем, хотя поездке на дачу, тоже был рад.

– Мама, ну куда вы с подушками? – ворчал Сергей. – Мне

из-за ваших подушек, в зеркале ничего не видно.

Но теща упорно тащила неудавшийся подарок в машину. – Пусть на даче будут, а то всё старое на дачу тащим... на новом-то лучше спать.

– Бабуля, тогда держи их, – ворчала Вика.

– Ага, меня не придавите своими подушками, – поддакивал Артем.

– Надо было в багажник впихнуть, – предложила Галя, усевшись на переднем сиденье.

– Так некуда, набрали, как на свадьбу, – сказал Сергей.

– Ох, дети, все-таки правильно ли мы сделали, что деньги Паше оправили, а сами не поехали, – сокрушалась Нина Ивановна.

– Мама, хватит уже, вчера всё обсудили. – Галя, обернувшись, напоминала про вчерашний разговор. – Сама же слышала: «ерунду не дарить, анекдоты не травить», как будто мы не родственники вовсе, а из дикого леса, в ресторанах никогда не были...

– Кстати, Галка, насчет ресторана, – вспомнил Сергей, – ты все-таки готовилась, в салон красоты... да и вообще, короче, на следующей неделе найдем повод и рванем с тобой в кабак, – он взглянул на жену, улыбнулся и подмигнул, – чего такая красота будет пропадать...

– Да ладно тебе, ходим как-нибудь. – Она вздохнула. – Конечно, не так я думала брата поздравить... ну вот пришлось, как и просили... поэтому деньги на карту перекину-

ли, позвонили, поздравили и красиво отказались, чтобы не чувствовать себя как в чужой тарелке. Да и в самом деле, на даче давно не были, там всё заросло, наверное.

– Траву я скошу, – пообещал Сергей. Арчи радостно тьякнул. – Не поддакивай, помощник, – сказал водитель, как будто пес понимал человеческий язык.

Дачка Самариных, не большая, но добротна скроенная, засаженная картошкой и всякой зеленью, встретила благоуханием цветов, которые Галина с любовью растила. Воздух, с утра свежий, с ароматом трав и с запахом прошедшего ночью дождя, мгновенно отсекал усталость, бодрил и настраивал на желанный отдых.

– Здорово, соседи! – крикнул Виктор Петрович – пенсионер, который вместе с женой все лето жил на даче. – Давно не приезжали... вы на отдых?

– И на отдых, и на работу, – ответила Нина Ивановна.

– Ну, по такому случаю шашлыки у нас сегодня... гульнем?

– Ну, так и у нас шашлыки, – ответил Сергей, – заходите с супругой, посидим, поговорим...

В ближайший час дача ожила. Слышалось постукивание, позвякивание, шум воды, тьяканье Арчи и возгласы Артема.

После обеда, под яблоней, накрыли стол, пестривший зеленью, красным болгарским перцем, и манящий ароматом шашлыков. Виктор Петрович с женой Любой принесли корзину своих угощений, и усевшись, дружно обсудили нынеш-

ний урожай. Через пару часов соседи затянули песню, Сергей с Галей присоединились.

Еще через пару часов Первушины, отпраздновав юбилей, провожали гостей, сокрушаясь, что так рано расходятся. Все люди деловые, занятые, и, как говорила Анна, важные и нужные, галантно раскланивались и покидали ресторан. Все прошло, как говорила Аня, на уровне: тихо, мирно, достойно.

И лишь Павел Григорьевич был не весел. Даже новая должность – коммерческий директор – не радовала его. – Все-таки нехорошо получилось, – сказал он жене, когда все разъехались, – Самарины – родственники нам, давно не виделись, а тут такой повод – юбилей... зря ты сказала, чтобы «ерунду не дарили», какая разница, дело-то в общении. Тетя Нина – родная сестра отца, они дружны были с детства, и сейчас, когда родителей нет, особенно хочется увидеться.

– Паша, а что я такого сказала? Все практичные люди так поступают, да и этот Сергей, Галин муж, со своими анекдотами, как прошлый раз... помнишь?

– Да и ладно, уши бы не завяли, – с грустью заметил Павел.

– Ну, слушай, никто им не отказывал, могли бы и приехать, а они, видите ли, причину нашли – на дачу срочно ехать. Нет, ну, если хочешь, позвони им...

– И позвоню, – Павел взял телефон. В трубке послышалось веселье – слышно было, как поют песню.

– Алло, слушаю! – Откликнулась Галя.

– Вот видишь, – шепнула Анна, – веселятся, им и без нас хорошо.

– Галя, ну вот зря вы не приехали, – сказал Павел.

– Дай трубу! Сергей вырвал у жены телефон. – Здорово, Паша! С юбилеем, тебя еще раз! А вы что, уже закругляетесь? А-ааа, гости разошлись... слушай, хватай жену, вызывай такси и рви когти к нам на дачу... да-да, продолжим отмечать юбилей. А что такого? Вон Галка с матерью тоже зовут, вы же не были у нас на даче ни разу, ёлы-палы, давайте к нам, решайся, Паша!

– Ты с ума сошел? какая дача? – Анна негодовала, услышав предложение. Но более всего возмутила решительность мужа, поехать, на ночь глядя, на какую-то дачу.

– Аня, еще весь вечер впереди, я с этими гостями... ни в одном глазу... а с Самариными весело... короче, ты едешь?

Такси подъехало по указанному адресу примерно через час. К этому времени уже была готова очередная порция шашлыков и запеченные овощи. Нина Ивановна спешно прибиралась в домике, поправляя занавески.

Анна, выйдя из машины в длинном платье и широкополой шляпе, с опаской оглянулась вокруг.

– А вот каблуки оставь, пусть ноги отдохнут, – посоветовала Галя, – лучше босиком по травке – удовольствие несравненное.

– Паша! – Нина Ивановна обняла племянника, поцеловала его, когда он слегка наклонился. – Тетя Нина, как я рад,

что вижу тебя, всех вас вижу.

– Проходите... и сразу за стол, – распорядился Сергей.

– Ну, вы даете, – у вас тут покруче, чем в ресторане, – удивился Павел.

– Так, у кого тут юбилей? – сосед Виктор Петрович пришел с очередной корзинкой, наполненной овощами и фруктами.

– Дача есть? – спросил он смущенную Анну.

– Нет, не держим, нам, знаете ли, некогда.

– Ну, тогда держите, это вам.

– Берите, берите, – сказала его жена Люба, – это наше, сами вырастили.

Сев за стол, Анна растрогалась. После ресторана, где все было красиво, но как в замедленном кино, все торжественно, немного чопорно, а здесь, на природе, у нее закружилась голова от воздуха и от радушного приема.

– Знаете, мне это напоминает мое детство, когда родители к соседям ходили, а соседи – к нам, – призналась она. Потом, придвинувшись к Гале, виновато шепнула: – Я вчера лишнее сказала, ну насчет подарка, не надо было говорить.

– Да брось ты, проехали же, ешь, давай, свои все, родня все-таки.

В маленьком домике Самариных Анна разглядела новенькие подушки и покрывало, которое Нина Ивановна купила им в подарок. Но об этом Анна, конечно, не знала. Приятная расцветка бросилась в глаза, и она залюбовалась обновками:

– Какие милые подушечки у вас на даче, – сказала она.

– Правда нравятся? – обрадовалась Нина Ивановна.

– Очень даже!

Нина Ивановна с гордостью взглянула на дочь и зятя, словно говоря: «Вот видите, а вы меня осуждали за подарок».

А потом были песни. И анекдоты от Сергея. И все смеялись. И Павел громче всех.

Уезжать собрались уже за полночь. – А то оставайтесь, – предложила Галя, – в тесноте, да не в обиде.

– Да поедем домой, и так хорошо погуляли... Но обязательно к нам в гости! – попросила Анна.

– У мамы скоро юбилей, так что заранее приглашаем, – сказала Галина.

– Ой, теперь буду думать, что подарить, – озаботилась Анна.

– А ты не думай, что подарите, то и ладно, – заметила Галя, – мы дареному коню в зубы не смотрим.

Уже когда ехали по ночному городу, Павел сказал: – Такой праздник шикарный получился, а все благодаря Самариным. Так что зря ты: «бедные родственники, бедные родственники». Никакие они не бедные, они веселые, а значит богатые.

Глубокой ночью вся семья Самариных спала на даче, уместившись в небольшом, но уютном домике. И лишь пес Арчи иногда поднимал голову, прислушиваясь к посторонним звукам. И несмотря на то, что он был маленьким и совершен-

но не внушал никакого страха, готов был при любой опасности кинуться защищать своих домочадцев, свою семью. Не просто кинуться, а «порвать» всех, кто посягнет на счастье семьи Самариных.

Тридцать три копейки

– С вас еще тридцать три копейки...

Продавец, миловидная, пухлощекая девушка, терпеливо смотрит на покупателя. Здесь, в маленьком магазинчике, приютившимся на первом этаже четырехэтажного дома послевоенной постройки, дожившей до 80-х годов, можно было купить самые ходовые продукты для того времени.

– Здесь не хватает... надо еще тридцать три копейки, – повторила продавец, посчитав деньги, которые ей подал покупатель.

Мужчина, в сером пальто и меховой шапке, покачиваясь, держался за прилавок. Наконец понял, что от него требуется и поднял указательный палец вверх и стал шарить по карманам. Делал это медленно, тщательно рылся во всех карманах пальто, пиджака, брюк.

А продавец ждала. Она сразу заметила, что мужчина был «под мухой» – так обычно говорила старшая сестра миловидной продавщицы.

Не найдя денег, покупатель хлопнул по карманам, и на лице у него появилось разочарование. В его авоське уже лежали консервы, пачкапельменей, хлеб, пачка чая и макароны.

Майя, так звали продавца, хотела, чтобы мужчина скорей рассчитался и покинул магазин.

– Не мой день нынче... на копейках погорел... – он развел

руки в стороны и подал хлеб обратно продавцу. – Останусь без хлеба...

– Хлеб стоит двадцать две копейки, – сказала Майя.

В сложившейся ситуации ей стало неловко. Мужчина не был похож на человека, который употреблял каждый день, да и одет был вполне прилично. Но вот это его «под мухой» – портило всю картину.

Он вздохнул. – Ну, нету у меня тридцать... тридцати... три копейки...

– Хорошо, завтра занесете недостающую сумму, – сказала Майя, увидев, что вошли покупатели.

Она их быстро обслужила, а мужчина стоял в стороне и что-то бормотал под нос.

– Не понял, – сказал он, когда покупатели вышли.

– Идите, пожалуйста, – сказала Майя, а тридцать три копейки завтра занесете...

– Долг значит? Понял! Завтра приду с тридцати... трёмi... тридцатью и еще три копейки.

Он даже заикаться стал.

– Да идите вы уже, ничего не надо приносить, вы ничего не должны, – сказала Майя, стараясь избавиться от покупателя.

Заведующая Ольга Ивановна, услышав его бормотание, заглянула в отдел и сразу определила степень трезвости покупателя.

– Что значит, ничего «не должен»? Тебе что, тридцать три копейки не деньги? А если бы он три рубля должен был...

тоже бы простила?

– Пардон, что за шум, а драки нет? – спросил покупатель.

– Так, давай-ка отсюда, пока милицию не вызвала, укатают тебя на всю ночь, чтобы проветрился. – Командным голо-
сом заявила заведующая. Ее высокая прическа, как башня,
возвышалась на голове и слегка покачивалась, когда Ольга
Ивановна кого-нибудь отчитывала.

Мужчина вытер глаза. – Мадам, вы жесто... сердая...
жестко сердая... жестб как сердная... вот так... у меня мо-
жет горе...

– Какое у тебя горе? – с тем же напором спросила заведу-
ющая. – Дай угадаю! Жена тебя бросила.

– Нет... нет у меня жены...

– С работы турнули за аморальный образ жизни...

– Нет, я им еще нужен...

Заведующая усмехнулась. – Ну, тогда придумай чего-ни-
будь... скажи, что бабушка умерла...

– Да! У меня умерла бабушка... – кажется, он даже запла-
кал.

Майя, услышав, с жалостью посмотрел на него.

– Ольга Ивановна, да пусть он идет домой, может, правда,
у человека горе... а копейки... да и ладно, я внесу.

– Эх, Ковалева, добрая ты, смотри, так всю зарплату раз-
дашь...

Заведующая еще раз пригрозила милицией и скрылась в
подсобке.

– Да! У меня умерла бабушка... десять лет назад как умерла, – покупатель качнулся, схватившись за прилавок.

Спокойная и сердобольная Майя, услышав признание, покраснела – это так негодование на ее лице появлялось. Она тут, понимаешь ли, с сочувствием к нему, а он разыгрывает их.

– Забирайте-ка свою авоську и идите отсюда, а то и, правда, милицию вызовем...

– Грубо... грубо с советским человеком... ну, да, я ведь должен... завтра я буду у ваших ног с тридцати... тремя... – он махнул рукой, – короче, с меня тридцать копеек и еще три копейки.

Когда дверь за ним закрылась, Майя вздохнула, работать ей еще один день. Ольга Ивановна хоть и ворчала иногда, но, в общем-то, ценила Майю, и с сожалением подписала заявление.

Старшая сестра Римма не поддержала, потому что не понимала, как можно поменять работу в продуктовом на магазин игрушек.

– Ну, ладно бы дети у тебя были, а то ведь одна как перст, а «прешься» в детский магазин... то ли дело на продуктах, это же выгодно. Ой, нет, глупая ты, Майка, хоть и двадцать пять тебе стукнуло.

Сразу после училища Майя немного поработала в магазине игрушек, но это было на время декретного отпуска одной из продавщиц. А потом устроилась в продуктовый. Не

сказать, что продавать селедку и прочие продукты ей было в тягость. Нет, она любила свою работу, но в «игрушках» было интересней, как-то теплее что ли.

Эти детские глаза, полные радости, это любопытство... все это ей нравилось. Единственное, не понимала, зачем идти с сыном или с дочкой в магазин, если нет денег. Вот он тянет мамочку за руку и канючит: «купи-ии», а она постоянно повторяет: «денег нет».

Вот этого Майя не понимала. Ну, если нет денег, зачем ребятню в магазин вести, нервы им щекотать. Приходи одна, приценись, а там видно будет.

Или вот, например, отцы... это которые «воскресные папы», тут другая ситуация. Заходит папа с сыном в магазин и мальчишка знает на все сто процентов, что папка купит все, что он попросит, ну или почти все.

И ведь берут отцы. Гордо достают деньги, словно оправдываясь за разлуку с сыном или с дочкой, готовы полмагазина купить.

Но самое интересное – это там, где товары для творчества. От горшка два вершка, а уже со знанием дела кисти и краски выбирают будущие художники. Смотришь и думаешь, а может из него лет через двадцать «художник Шишкин» вырастет.

Вот о такой работе мечтала Майя, а не так, чтобы стоять и тех, кто «под мухой» обслуживать, которые даже числительное «тридцать три» просклонять не могут. Ну, это так...

это уже она от усталости подумала, вообще-то Майя добрая. Правда, доброта ее, как говорит сестра Римма, до замужества еще не довела.

– Тридцать три, тридцати трех, тридцати трём, тридцатью тремя, – бормочет Майя, – фу ты, привязались эти тридцать три копейки... хорошо, что завтра последний день.

Он появился после обеда, даже можно сказать, ближе к вечеру. В том же сером пальто, в той же шапке. Вид – виноватый. Подождал, когда отойдет покупатель и подошел ближе, поздоровавшись.

– Извиняюсь, вчера забрел в ваш магазин, должен я вам.
– Он подал пятьдесят копеек.

Майя кивнула и стала набирать сдачу.

– Не-не-не, зачем... какая сдача... это я должен, – он виновато кашлянул, – конфеты хотя бы вам.

– Да ничего не нужно, вы бы лучше трезвый образ жизни вели, на вид ведь мужчина приличный...

Он и, правда, выглядел вполне прилично, и даже никаких следов, что еще вчера был «под мухой».

– А так и есть! – С энтузиазмом сказал он. – Я вообще очень редко, да и то, если дома... и сразу до подушки и сплю. А тут, понимаете...

– Вот не надо придумывать, – испугалась Майя, что мужчина снова испортит мнение о себе, – вчера вы про бабушку говорили...

– Да-да, кажется, сболтнул лишнего. Но у меня, правда, десять лет назад бабушка умерла, очень хорошая была. Но вчера не по этому поводу, понимаете, целый год мы с коллегами на заводе станок проектировали для работы с металлом, точнее сказать, усовершенствовать хотели. Проект, чертежи, детали достали... а вчера приехала из края комиссия и нам всё забраковали. Вы представляете, я год жил этим проектом! Ну, коллеги и сказали: «а давай немного сгладим»... короче, расстроился я... а вообще, простите, наверное, наговорил лишнего. Может, я больше должен, вы скажите, – он вздохнул.

– Нет, ровно тридцать три копейки, вы все никак не могли это числительное просклонять.

– А-ааа, – он улыбнулся, – у меня еще со школы беда с числительными, а так-то я помню, могу повторить.

Майя смеется. – Не надо, верю.

– Алексей, – он протянул руку, и она с удивлением посмотрела на его ладонь.

– Ой, – он убрал руку, – с девушкой разве так знакомятся.

– Майя, – ответила она.

– Какое имя теплое... как будто весна... а на улице уже зима... Майя, а если я приду на следующей неделе к концу рабочего дня и провожу вас? можно?

Продавец смутилась. Мужчина показался ей сегодня довольно скромным, смущенным и взгляд ей нравился. – Ну, если хотите...

– Хочу! Ну, так я приду... в пятницу?

– Приходите.

На его лице засияла улыбка. – Ну, так я тут, у входа буду ждать...

Оглядываясь, он пошел к выходу, продолжая улыбаться.

– Ой, погодите! – закричала Майя. – Чуть не забыла, я ведь последний день здесь работаю, я в магазин игрушек перевожусь... это на проспекте который.

– А-аа, понял, так я туда приду, обязательно приду.

Он вышел. А она стояла и улыбалась, еще не зная, к чему это всё и что из этого получится. – Вот тебе и тридцать три копейки, – сказала она.

В тот день она чувствовала себя феей, которая делает счастливыми детей. В магазине было тепло, светло и ярко от разноцветья. В перерывах, когда наступало затишье, она вспоминала про Алексея и про то, как тридцать три копейки привели его в тот день в продуктовый. «Придет или нет», – думала она. «Ну, и ладно, если не придет», – успокаивала она себя заранее. «А лучше бы пришел», – надеялась она.

Под конец рабочего дня, забыла про него, и вспомнила, когда вышла из магазина. И только тогда увидела его. Он сжимал в руках что-то завернутое в газету. Она, не торопясь, пошла навстречу.

– Майя! А я сомневался, не пройдет ли мимо, вдруг передумали...

– Ну, раз я обещала, – сказала она смущенно, – мы же договаривались...

– Да-да, я тоже люблю, когда слово держат... а вы знаете, мне кажется, вам очень нравится ваша работа...

– Да, вы угадали. А как у вас?

– А у меня, представляете, решение по нашему станку отложили, сказали, что полезное зерно в этом есть, так что нам рекомендовали доработать. В общем, есть надежда, что его все-таки примут, потому как сторяча они свое решение вынесли.

– Так вас можно поздравить?

– Ну, пока рано... ох, ты, вот ведь конфеты для вас достал, – он развернул коробочку, – это для вас.

– Спасибо, Алексей, честно сказать, не ожидала, что так познакомимся...

– Я тоже. Как хорошо, что в тот день нам «завернули» наш проект, и я случайно оказался в том районе и зашел в ваш магазин...

– И я работала там как раз предпоследний день, и вам не хватало денег... совсем немного.

– Да, тридцать три копейки для счастья... Майя, давай на «ты».

– А будет оно – счастье?

– Я, думаю, будет... давай вместе захотим быть счастливыми.

Она рассмеялась. – Я согласна быть счастливыми вместе.

И они пошли вдоль снежной улицы, и ветер заметал их следы и заметал уходящий 1983 год.

Лётчик

– Когда не знают от кого родила, то говорят ребенку, что его папа летчик или космонавт.

– Да ладно тебе, ребенок-то не виноват.

– А кто его винит? Я про мамашу...

– Тише ты, вон как раз его мать идет.

Воспитатели притихли, увидев, что мама Вовы Ведерникова уже в садике и глазами ищет сына.

– Здравствуйте... а вон ваш сынок, на горке с ребяташкам... всё выше норовит забраться.

– Здравствуйте, спасибо... ну, я забираю, значит сына.

– Ага, забирайте... до завтра.

Вова, увидев, что мама уже пришла за ним, кубарем скатывается с горки, шлепаясь на песок, и бежит, спотыкаясь, чтобы уткнуться в мамины колени.

– Ну, что же ты опять вымазался, горе мое луковое...

– Ну, я же летаю, я же космонавт, как папа!

Наталья, молча, отряхивает с коленок сына песок, также, молча, берет за руку, и они идут к выходу.

Погода в октябре на редкость выдалась сухой, листья шуршат под ногами, и Вовка пытается пнуть их, чтобы повыше взлетели.

– Перестань, сейчас снова вымажешься.

Он пытается повторить слово «вымажешься», но ошиба-

ется, и, услышав звук летящего самолета, поднимает голову и с жадностью следит за ним.

– Мама, это папа полетел?

– Ну, почему именно папа? Просто самолет...

– А когда папа прилетит?

– Не знаю, он далеко улетел.

Шестилетний Вовка вздыхает как-то по-взрослому, с пониманием что ли. Папу он никогда не видел, но уже задается вопросом, что у всех есть папки, а у него... Наталья случайно сказала ему, что его папка улетел далеко. Она даже не говорила, кто он, просто улетел, и Вовка решил, что он летчик. Ну, а поскольку улетел далеко, то подумал, что его папа космонавт.

Он и сам решил, что будет космонавтом. И это неудивительно, в 70-е годы все дети мечтали стать космонавтами. Космическая тема взбудоражила всю страну, в детсадах и школах рисовали небо, самолеты, космос и космонавтов.

– Чего-то вы поздно, я все жду, где, думаю, они ходят, час целый на лавочке сижу.

– Ой, тетя Клава, здарсьте, да мы в магазин заходили, – Наталья подходит к соседке, что живет в доме напротив. Вовка отпускает руку и подбегает к женщине, начинает тараторить про свой день в садике.

– Да угомонись ты, «космонавт» наш, – смеется Клавдия Ивановна, – не успеваю за тобой, что там у тебя было...

– Вова, подожди, взрослые же разговаривают, – Наталья

присаживается рядом с соседкой.

Когда напротив дома Клавдии Ивановны построили новый пятиэтажный дом, то в него и вселилась Наталья, она тогда на хлебозаводе работала, а Вовке было четыре года. Не могла поверить, что теперь у нее будет отдельная квартира вместо комнатки в общежитии (хотя она и этому углу была рада).

Приехала из деревни, поступила в училище, влюбилась... потом беременность и укоры старшей сестры Катерины. Родители у сестер умерли, и старшая, вроде как должна «присматривать» за младшей.

– И чем я тебе помогу... кабы раньше, может и помогла бы, а теперь сама думай, как жить. У нас вон у самих трое растет, – сказала Катерина.

И Наталья прошла и осуждающие взгляды, и общежитие, и бессонные ночи. И эта квартира в новом доме от завода была ей как манна небесная. Да еще Клавдию Ивановну встретила, когда сумку ей от остановки помогла донести, и она оказалась женщиной добродушной, в гости пригласила. Так и сдружились.

– Клавдия Ивановна, меня просят завтра во вторую остаться, сможете с Вовой посидеть?

– Ну, а почему нет, присмотрю за нашим «космонавтом», – она притянула к себе мальчишку: – Или ты летчиком хочешь стать?

– И космонавтом, и летчиком, – с гордостью ответил Во-

вка.

– Да не понимает он еще разницы, ему лишь бы летать.

– Да, как папка...

Клавдия Ивановна вздохнула и понимающе посмотрела на Наталью. Жалко было ее. Ведь находился человек, готов был жениться, но, видно, испугался, «заднюю скорость включил», не прикипел он к чужому ребенку сердцем.

– Замуж бы тебе надо, Наташа, жизнь-то ведь продолжается.

– Сама понимаю, только не получается пока.

В первый класс Вовка пошел с той же уверенностью, что его папа где-то летает, и он также засматривался на пролетающий в небе самолет. Когда одноклассники рассказывали, куда они ходили с папой и что купили, Вовка, не моргнув глазом говорил: – Вот папа приедет и мы тоже в зоопарк пойдем.

Но в зоопарк вела мама. И уроки с ним тоже делала мама и все покупала для сына. В третьем классе Вовка по-прежнему верил в историю отца-летчика, правда, стать космонавтом он уже передумал. Его привлекали только самолеты.

– Снова сидишь, самолеты рисуешь? – спрашивает Клавдия Ивановна, застав Вову с альбомом. – Хоть бы с ребяташками в мяч во двое поиграл.

– Успею, – отвечает он, рисуя очередной самолет.

– Ох, не знаю, что делать, помешался на этих самолетах,

– пожаловалась Наталья.

– Да ладно, лишь бы не безобразничал, – сказала Клавдия Ивановна, – а то ведь есть у нас во дворе такие, что домой не загонишь, родители с ремнем за ними бегают.

Наталья на сына руку не поднимала, но однажды сорвалась. И вроде не из-за чего, а видно одинокая жизнь, как ком к горлу подкатила.

Вовке уже двенадцать, а он с самолетиками сидит, склонив свою белобрысую голову и опустив голубые, как небо, глаза.

– Мать с ног валится, а ты даже в комнате не прибрался, все сидишь, мечтаешь... вставай и иди вещи прибери.

– Ну, счас, тут еще один самолет... папа, наверное, на таком летает...

– Не летает... не маленький давно, понимать должен, – со злостью сказала Наталья...

– Почему не летает? Он же летчик, ведь мой папа летчик...

Наталья со злостью отодвинула стул. – Разбойник твой папка, а не летчик! Знала бы, десятой дорогой обошла! – С горечью выкрикнула Наталья. Ее волосы, гладко причесанные, скученные у самой шеи и закрепленные шпильками, подчеркивали ее бледный цвет лица. Устала она в тот день на работе... да и пора было развенчать миф об «отце-летчике».

Поднялся Вовка, смотрит на нее голубыми глазами, и она на него смотрит, начинает понимать, что слова ее как вы-

стрелы, прозвучали. Она к нему – за руку схватила, усаживает на диван рядом с собой, гладит по светлым волосам, поцеловать пытается, а он уклоняется. Всегда покладистый и спокойный Вовка, выскользывает из рук матери.

– Сыночка, ну прости, не то я сказала... хотя и ты не маленький, ну пойми ты, не было никакого летчика... ни где твой папка не работал, на гитаре бренчал, да воровал с друзьями. Не знала я... узнала, когда свои же убили Бориса...

Вовка сидел, как изваяние, склонив голову и не говоря ни слова.

– Сынок, надо жить, учиться надо... хочешь в летное – не возражаю... но не говори больше никому, что твой папка летчик... неправда это. Я виновата, что потакала тебе.

Она слегка толкнула его, взяла за плечи. – Вова, ну что ты молчишь? Ну, не пугай меня, я же всю свою жизнь... только ради тебя... А хочешь, в деревню к тете Кате поедем? Она зовет нас, говорит, яблоки из своего сада приберегла для нас.

– Мам, я уберу, я все уберу. Но мой отец... летчик, все равно летчик. Я никому не буду рассказывать, но я знаю, что он никакой не бандит... он летчик.

Наталья вздохнула, прижала к себе сына. – Пусть так... раз хочешь так думать, пусть так и будет, только ты учись, расти, живи!

В летное Вовку не взяли, нашли какие-то огрехи по здоровью. «Вот на заводе можно работать, а летать нельзя», –

сказали ему в училище.

И тогда он пошел учиться на авиационного техника, чтобы самолеты обслуживать. А Наталья и рада: все-таки ближе к небу будет. Правда, после учебы на работу ездить далеко – в аэропорт. И вставать ему приходится затемно. Но Вовка не печалится, на работу бежит с желанием.

– Ты хоть справляешься? – беспокоится Наталья.

– Ага, Михалыч нас хвалит.

– Кого это вас?

– Да нас с Васькой, мы самые молодые, вот он нас и учит.

– А кто такой Михалыч?

– Да он у нас вроде наставника... вообще-то на пенсии, но его постоянно зовут на помощь, он там всех консультирует... ну то есть, всех техников.

– Ну и хорошо. – Наталья успокаивается. Сын давно не вспоминает про отца, про свою детскую мечту тоже молчит, видимо «перерос» свои юношеские переживания. И теперь вечерами он рассказывает про работу и про Михалыча.

– Вова, нехорошо как-то называть человека, который старше тебя, только по отчеству.

– Да ты чего мам, его все так зовут. И все уважают... и любят.

В тот год снова выдалась сухая осень, даже в октябре было тепло и листья шуршали под ногами. Наталья вспомнила, как водила сына в садик, как задирали он голову, когда про-

летал самолет.

– Мам, а нам точно надо к тете Кате ехать сегодня?

– Ну, конечно, она ведь нас ждет, овощи нам отложила.

– Ну, так автобус же вечером... давай пораньше выйдем, мне надо к Михалычу заехать, у него сегодня юбилей, поздравить надо.

– А разве это удобно?

– Конечно, он приглашал меня. И тебя приглашал, сказал, чтобы с мамой зашел, – Вовка виновато взглянул на мать, – ты извини, я ему рассказал про тебя, сказал, что ты у меня самая-самая...

– Ну, ты зайди, а я подожду.

Они подошли к дому, где жил Александр Михайлович. На четвертом этаже светились его окна.

– Народу, наверное, много будет, – сказал Наталья.

– Нет, – Михалыч сказал, что он с женой и его давние друзья – семейная пара. И с работы начальник будет. Так что давай зайдем, я вас познакомлю.

Наталья вспомнила, каким счастливым приходит сын с работы, как часто вспоминает своего наставника и подумала: «Почему бы не сказать спасибо человеку, который так много сделал для моего сына».

Смущаясь, она остановилась в прихожей, увидев невысокого седовласого мужчину, которому исполнилось шестьдесят пять лет.

– Проходите, у нас все просто, – пригласил он.

– Да мы на минуточку, – оправдывалась Наталья.

– Давайте хотя бы на часок к нам за стол, давно хотел познакомиться с мамой моего подопечного, – он одобрительно хлопнул Вову по плечу. – Хорошего вы сына вырастили, Наталья Ефимовна.

В небольшой комнате был накрыт стол, и сидели немногочисленные гости. Наталья присела на стул как раз напротив стенки, в которой стояли книги, посуда и фотографии.

Сначала она подумала, что ей показалась, что она ошиблась... на одной из фотографий... был Борис. Как раз в том возрасте, когда они познакомились. Вилка затряслась у нее в руках, она держалась изо всех сил, чтобы не выдать себя.

– Мам, ты что молчишь всю дорогу? – Вовка еще в автобусе заметил, что мать чем-то расстроена. Тебе не понравился Александр Михайлович?

– Почему не понравился? Нет, он хороший, редко такие люди встречаются, чтобы свое время молодежи уделять... добрый он человек.

– Ну а что тогда?

– Да ничего, все хорошо.

Даже старшая сестра Катерина заметила неладное с Натальей, но та промолчала, сказав, что просто устала.

Больше всего Наталье хотелось скорее вернуться домой. В понедельник, не сказав ничего сыну, пошла к дому Александра Михайловича.

– Простите, но я как раз вас жду, – она дождалась, когда он приехал с работы.

– Наталья Ефимовна, голубушка, что случилось? Володя, кажется, домой поехал.

– Я знаю, он, наверняка, дома уже. Я ему ничего не сказала, а с вами хочу поговорить...

– Тогда ко мне домой прошу, Надежда Семеновна нас накормит. – Они стали подниматься по лестнице.

– А Надежда Семеновна...

Он остановился. – Надежда Семеновна – это моя вторая супруга. А первая, Машенька, умерла десять лет назад... не пережила она гибель единственного сына.

Они сели за стол, разложив альбомы с фотографиями, и она, сбивчиво, со слезами на глазах, рассказала, что узнала в покойном сыне Александра Михайловича отца ее сына Володи.

– Вы, конечно, можете мне не верить, имеете право... но кроме Бори у меня никого не было, Володя его сын. И вы, конечно, можете меня осудить, ведь мы так мало были знакомы, и мой поступок выглядит легкомысленным...

Александр Михайлович взял Наталью за руку, наклонился и поцеловал ей руку. От неожиданности она замолчала.

– Нет у меня оснований не верить, – сказал он и посмотрел на нее своими голубыми как небо глазами.

Они еще долго разговаривали, и она рассказала, как Вова мечтал стать летчиком. И рассказала о том, что до сих пор он

не хочет верить, что отец, по молодости лет и по глупости, занимался разбоем.

– Это наша с Машенькой боль, это наше горе... это мы просмотрели его... все ведь было... ведь мы за то и воевали, чтобы наши дети счастливыми были. – Он склонил седую голову, вытер глаза. – Больно до сих пор... Маша все время тосковала, сердце не выдержало... не знаю, как я сам пережил. Может с тех пор помогаю молодежи, чем могу.

– Вова летчиком хотел стать, почему-то думал, что его отец летчик...

– Борис далек был от авиации... а вот я... я ведь, Наташа, в войну летал на боевом самолете. Не знаю, как выжил. Нас обучили «взлет и посадка», а всему остальному в бою учись. Спасибо товарищам, прикрывали меня в небе, может потому и выжил... Но после войны не летал по состоянию здоровья, всю жизнь на аэродромах работал. Так что у Вовы не папка, а дед летчик.

Наталья, размазывая слезы, улыбнулась. – Как же мы ему скажем?

– А вот так и скажем. Завтра позову его к себе домой и поговорим... по-мужски поговорим. – Он снова коснулся ее руки: – Что же ты, девочка, не нашла нас раньше...

Это был весенний день, и Наталья, щурясь от солнца, с волнением наблюдала, как поднимается в небо небольшой самолетик. Александр Михайлович обнял ее за плечи.

– Ну-ну, не переживай, он же с инструктором, давай лучше посмотрим его первый полет, здесь, в аэроклубе, хорошо учат, надежно.

– Не то, чтобы волнуюсь... горжусь сыном...

– А вот это правильно! И я внуком горжусь. – Он посмотрел в сторону, где стояла девушка в голубом пальтишке. – Смотри, тоже следит... не за нашим ли «орлом» наблюдает.

– Кажется, я знаю, – догадалась Наталья, – это Оля, подруга Вовы.

– Ну, так пусть к нам идет, – Александр Михайлович подошел к девушке и подвел ее к Наталье.

– Здравствуйте, – сказал смущенная Оля.

А Наташа обняла ее. – Как хорошо, Оленька, что ты пришла!

И распахнулось небо перед ними, одаривая голубизной, в которой, словно птица, парил самолет – Вовкина мечта с самого детства.

Держись за меня

С усилием рванул на себя ручку двери, послышалось, как вылетел крючок и раздался приглушенный крик – вскрикнул кто-то испуганно и сразу умолк.

Он рассчитывал на уют для своего уставшего тела и измученной души, рассчитывал, что именно здесь отдохнет, отогреется и обдумает, как жить дальше.

Этот домик на краю леса знал давно, еще с детства, когда приезжал к деду. Это был дом лесника. Но теперь, после сокращения «лесных кадров», опустел домик и стал почти заброшенным. И только года три как охотники облюбовали его под временное жилье на период сезона.

А сейчас, по его расчетам, там никого не должно быть, но этот крик разрушил все его планы. Он увидел в углу, где стояла панцирная кровать со старым одеялом, огромные, наполненные ужасом, глаза. Да, вот именно сначала глаза увидел. И было в них столько страха и боли... Он отшатнулся, будто сила этого взгляда толкнула его.

В такие моменты осознание действительности приходит мгновенно. Он видел перед собой женщину, дрожащую от испуга, и в то же время ее взгляд говорил: «Я не виновата».

– Ты кто? – спросил он, и уже сам начал выстраивать версии, как она здесь оказалась. Появление женщины выбило его из колеи, он надеялся на другой исход своего побега. А

тут – посторонняя, которой совсем не надо знать, кто он и зачем здесь. Его уже начал раздражать ее испуганный взгляд и трясущиеся руки. – Кто ты? Я спрашиваю: кто тебя послал?

Она заплакала. – Я... я не виновата... я уйду, отпустите меня...

Он взял, стоявший у стола табурет, с шумом поставил его на середину комнаты и сел на него, устало сняв кепку, уже подмоченную дождем. – Ну?! Кто такая? – он помолчал с минуту, потом уже, стараясь быть спокойным, сказал: – Хватит дрожать. Говорить можешь?

Она кивнула.

– Еще кто-то есть?

– Нет, – тихо ответила она.

– Врешь! – Рывкнул он. И от его голоса, она снова вскрикнула.

– Я одна, правда, одна, отпустите меня, пожалуйста, я ничего вам не сделала.

– Не сделала, так сделаешь, – устало сказал он. – Как здесь очутилась? – Ему хотелось верить, что женщина здесь одна и что нет больше свидетелей. Это было бы лучше, но все равно не радовало его, он ведь рассчитывал на полное отсутствие людей. До ближайшей деревни отсюда километров семь... вот и непонятно, как она здесь очутилась, каким ветром занесло худющую, большеглазую особу, на первый взгляд, лет под сорок, а по ее комплекции – так вообще подросток.

Заметив, что пришелец не собирается на нее нападать,

осторожно откинула одеяло, под которым пыталась согреться, и натянув обутки – что-то похожее на стоптанные кроссовки, потянулась за курточкой. – Я пойду... ладно? – тихо сказала она.

– Куда пойдешь?

– Туда, – она махнула рукой в сторону леса.

– К зверям в гости? – он усмехнулся. – Деревня-то в другой стороне.

Она снова опустилась на кровать.

– Хотя, конечно, чего тебе тут делать, иди лучше. К речке спустишься и по берегу километров пять, а там мост будет, еще не совсем развалился, а оттуда два километра до деревни.

– Ага, хорошо, – она, не сводя с него глаз, хотела проскользнуть мимо, но неожиданно он схватил ее за руку, и она снова вскрикнула.

Не обращая внимания на ее испуг, тихо, но четко проговаривая каждое слово, сказал: – Если полицию приведешь, из-под земли достану... Поняла?

– Поняла. – Голос ее в это время дрожал.

– И еще: хочу знать, как ты тут оказалась? Кто тебя послал?

– Отпустите, пожалуйста, я боюсь... – Он отпустил ее руку, посмотрел на нее: – Ну? Я жду.

– Я... я случайно... я в деревню ехала, а потом... заблудилась...

Он усмехнулся. – Врешь нескладно, невозможно тут заблудиться...

– Я, правда, заблудилась... побежала... потом мост... потом сюда пришла...

– Звать как?

– Ася.

Он снова усмехнулся. – Понятно. Ася... откуда ты взялась...

– Я, правда, никому не скажу...

– Скажешь – себя потом вини. Никто не должен знать, что я был здесь...

– Честное слово, не скажу, я никого не видела...

– Ну, вот и ладненько... а теперь иди. – Он встал, толкнул ладонью дверь, и она распахнулась, заскрипев.

Женщина, оглядываясь на него, вышла – и также оглядываясь, спустилась с крылечка, на котором всего три ступени.

Запинаясь и пошатываясь, побрела к реке. Ветви впивались ей в волосы; ее плечи уже намокли от дождя, осенняя трава ждала первых морозов и первого снега.

Он смотрел ей вслед. Ему показалось, что она ослабла и идти ей тяжело.

– Стой! – Крикнул он и пошел за ней следом. Она остановилась и стояла так, не шевелясь. Ее послушность даже удивила. – Ну, куда ты по дождю? Переждать надо, перестанет дождь, тогда и пойдешь. – Он взял ее за руку и повел в домик. Рука была холодной – он это ощущал.

Но сочувствия по-прежнему не было. Наоборот, раздражение, что в доме есть посторонние, так и осталось в нем. И то, что он ее вернул – это, скорей всего, забота не о ней, а о себе – о своей безопасности. Почему-то решил, что какое-то время лучше поддержать ее рядом.

– Так ты и печку не топила?

– Нет. Я боялась.

– Чего боялась?

– Ну, дым пойдет... увидят.

– Ну, пойдет и что?

Он вышел, и оглядев, что там, под навесом, лежит, нашел охапку дров, припасенных на сезон.

Растопленная печка преобразила домик: стало теплее и светлее.

– Ела чего-нибудь?

– Нет.

– Сколько ты уже тут?

– Со вчерашнего дня.

– Дай угадаю, как тут оказалась. – Он сел на тот же табурет, а она так же сидела на кровати. – Скорей всего, поехала с компанией, ну там, мальчики, девочки, как это обычно бывает... а может вообще только мальчики... ну, а потом развлеклись с тобой и бросили... вот тогда ты и набрела на избушку.

Она закрыла ладонями лицо, и плечи ее затряслись.

– Угадал?

– Нет.

Он подошел и сел рядом, она отодвинулась. – Да не шу-гайся ты так, не нужна ты мне... мне бы самому укрыться...

Она перестала плакать. – Не было никакой компании, – посмотрела на него глазами, полными отчаяния. – Скажите, а вы сами откуда?

– От верблюда. Тебе не надо знать.

Она помолчала, словно решаясь. Так бывает: стоишь у обрыва и думаешь: прыгнуть в воду, или нет. И находились отчаянные смельчаки, ныряли, прыгнув с высоты, а потом гордились своим «подвигом». Вот и сейчас она была как будто у обрыва: прыгнуть или нет... рассказать, или нет.

Потом, набрав воздуха в легкие, выдохнула.

– Это что у тебя – гимнастика дыхательная что ли?

– Подождите, я сейчас. – Она снова посмотрела на него. – Я не знала, что вы придете, вообще не знала, куда иду. Я просто... сбежала...

– Во как! – Ему стало интересно. Он сразу сравнил с собой – он ведь тоже сбежал. – От кого сбежала?

– От мужа.

Пришелец разочарованно отвернулся. – Ну-уу, знакомая история... поругались, обиделась...

– Я не ругаюсь. Это он ругает меня, и еще... бьет.

– Ну, пожаловалась бы.

– Родных у меня нет. Ну, таких, чтобы близкие родные – таких уже нет. Остальным – зачем им моя жизнь.

– Как же ты допускаешь, чтобы тебя лупили?

– Мы хорошо жили... года три хорошо жили, он хотя бы руку не поднимал. Ну, а если ругал иногда так это бывает у всех. А потом у нас ребенок родился... но не выжил... всего день прожил мой сынок... И все. Муж потом изменился... как будто я виновата. При каждом скандале ругал, потом бить начал...

– А заявление?

– Были и заявления. Но я их забирала потом. Он плакал, обещал... да и прошлое у нас общее – наш сынок.

– А еще дети?

– А больше не было. – Она посмотрела на его лицо и заметила, что он слушает ее как-то спокойно, не осуждая. – А можно спросить? Как вас зовут?

– Глеб меня зовут. Только зачем тебе мое имя? Дождь перестанет, дорогу покажу и все. Считай, что расстались. А с мужем тебе разводиться надо, а то ведь так не набегаешься...

– Да, надо. Я хочу развестись. Но не могу. Сказал, развод не даст и вообще из дома не выпустит. Я ведь сбежала в этот раз. Тут в деревне тетя живет – двоюродная сестра мамы. Я только приехала, а мне сказали, что он уже звонил, спрашивал про меня. Не знаю, как узнал, что я в деревне. А потом мальчишки на мотоцикле приехали, сказали, что его машину в районном центре видели, расспрашивал, как сюда доехать. Ну, я и решила дальше спрятаться, пока он там ищет. Тете сказала, что в другой район поеду. Вышла и его маши-

ну увидела, огородами убежала. – Она снова посмотрела ему в глаза, взгляд ее был умоляющим. – Вы же ему ничего не скажете?

Он рассмеялся. – Круговая порука получается. Ты меня не выдашь, а я тебя. – Встал и подошел к печке. – Надо поесть, а то так и ноги протянем, ты вообще, гляжу, исхудала. – Он достал крупу, принес воды с реки, поставил вариться похлебку. – Пусть охотники простят, если провиант им уменьшим. Они ведь все равно новые продукты завезут – так обычно делают.

Потом они сидели за деревянным столом и молча ели. Она осторожно, словно боясь, что ее за что-нибудь накажут. Он – быстро, с аппетитом.

– А дождь так и идет, – разочарованно сказала она.

– Это плохо, – ответил он, – мне тут компаньоны вообще не нужны.

– Я уйду, правда, уйду, – пообещала она.

– А если на полицию наткнешься, что скажешь?

– Скажу, что в лесу была и никого не видела.

– Ну, так-то правильно, – согласился он, – только все равно ты свидетель...

– Вы же обещали, – губы ее задрожали, она подумала, что этому незнакомцу ее присутствие здесь совершенно нехотено и что он готов избавиться от нее.

– Да перестань ты, не мокрушник я! – Сказала он в запальчивости. – И хватит ныть, на нервы действует. – Он ото-

двинул чашку.

Дождь так и продолжал идти, намочив все вокруг, хотя уже стемнело. Она села на кровать, а он так и остался за столом, слегка наклонившись и сложив руки замком.

– Сорок лет мне, Ася, – тихо сказал он.

И она вздрогнула.

– Ты чего так испугалась? Все еще боишься меня?

– Нет, почти не боюсь... имя свое услышала... Ася. Муж меня всегда Аськой зовет...

– А-аа, понятно, непривычно стало. Имя как имя, хорошее, кстати, имя. Ну, короче, дело было так. Пришел я из армии, собрались вечером с парнями в соседнем дворе, на гитаре там и все такое... За полночь было – домой пошел. А там, у сквера, пацаны к девчонке пристали. Ну, а я же герой. Заступился.

А потом вызвали. Сначала вызывали, а потом уже и посадили.

– А та девушка?

– Она говорила, что к ней приставали, и что я заступился. Но перестарался я. Все живы, но увечье получил один. Честно, не хотел и не думал об этом, но выхода не было.

– А потом?

– Отсидел. За это время мать у меня умерла. Сколько живу, всегда думаю, что если бы не тюрьма, здоровье бы матери сохранил. Сестра с братом к тому времени квартиру разделили, да я и сам, дурак, документы им подписал, благород-

ный же был. Короче остался – ни кола, ни двора. Жил потом с одной. А она еще с одним жила, только я позже узнал. Вещи собрал и ушел. И никаких разборок – ученый уже.

Дрова в печке почти прогорели, и он встал, чтобы подкинуть немного. А она молчала, погрузившись в его рассказ, и впервые отвлеклась от своего тупикового положения.

– В общем, на вахту ездил два года, квартиру себе в бараке купил, чтобы было, где голову приклонить. А вообще всегда хотел в деревню переехать. У меня же тут, в ближайшей деревне, старики жили – дед с бабкой, я маленьким приезжал к ним. Но дом наш давно продан. А я хотел участок взять и новый построить и просто жить. Понимаешь? Устал я. От обмана, от этой суеты устал...

– А как же вы здесь? – спросила она, вслушиваясь в каждое слово.

– Работал я на заводе металлоконструкций, так-то я сварщик неплохой, ну и пришли друзья с бригады как-то в гости. Там так получилось: у одного день рождения, а отмечать негде, в его квартире – хозяева не разрешают, он снимал ее. Ну и завалились ко мне. Не выгонишь же.

В общем, весь вечер весело было, кто-то приходил, кто-то уходил. И я тоже выходил на улицу... а потом вернулся, а Мишка там уже готовый. Я сначала не понял, кинулся к нему, хотел в чувство привести, ведь почти трезвые все были. А он... рана на голове.

Ася опустила голову.

– Ты что, снова плачешь?

– Нет, я просто свое вспомнила, мой тоже по голове меня... было такое.

– А твой – просто зверь. Нет, не зверь, звери лучше, животные вообще бывают такие понимающие. Нелюдь он у тебя. Короче, вызвали скорую, потом полицию... Всех допрашивали. Ну, а у меня там везде пальчики, я ведь там живу. Сначала подписку о невыезде дали, а потом случайно утром в окно увидел – подъехали. Сразу понял – за мной. Чувствовал, что дело к тому идет. Вспомнил я свою первую ходку и не знаю, как так получилось... ушел я через чердак.

– Так вы... – Она испуганно взглянула на него.

– Нет, Ася, не виноват я. Сам бы хотел узнать, кто Мишку тюкнул. И что там вообще произошло. Но по ходу следствия понял, что всё на меня указывает. В общем, убежал я. Рванул сразу сюда. На попутках ехал. Знал про этот домик, хотел отсидеться здесь, а потом дальше податься, может и потерялся бы где.

Женщина смотрела на него своими большими глазами и в них теперь уже было сочувствие к нему. – Это несправедливо, – прошептала она, – вы же не виноваты.

– А ты веришь мне?

– Верю. Так не должно быть, вам надо доказать, что вы не виноваты.

Он засмеялся. – Один раз уже пытался доказать – тогда, после армии сразу. А раз уж я побывал там, то теперь след-

ствие как по маслу пойдет. Зачем выяснять, когда статья уже готова.

– Нет, нет, нет, вы должны бороться...

– Ну, а чего же ты не боролась, когда муж тебя обижал?

– Я... я пробовала, но я боюсь.

– Ладно, темно уже, спать пора. Ложись вон на кровать, а я тут – на лавке лягу. Утром дождь по любому перестанет, провожу тебя до моста.

– Хорошо, – согласилась она, – вы не думайте, я никому про вас не скажу.

– Хватит «выкаты», давай уж как-то проще – на «ты» что ли.

Утром было сыро и холодно. Глеб растопил печку и потом все поглядывал на небо.

– Ну вот, скоро пойдем, – сказала она. – Глеб, а может тебе не убегать от них, – осторожно спросила женщина, – может лучше все рассказать...

– Бесполезно, я уже знаю, чем закончится. Ты лучше себя побереги. Мерзко это, когда мужик на бабу руку поднимает. Девочек обижать нельзя, этому меня еще родители научили. Я и за девчонку ту заступился, увидев, что они ей уже подол платья порвали. – Он вздохнул как-то тяжело. – Так что, Ася, очень надеюсь, что оставишь ты его, а лучше заявление написать, наказать надо, чтобы понял.

– Боюсь я. Он ведь караулит меня, я даже до полиции дой-

ти не успею.

– Зря ты в лес забежала, к людям надо ближе. В общем, обещай, что избавишься от него, напишешь заявление. Или может ты его любишь до сих пор?

– Нет, нет, давно не люблю. Боюсь я, мне кажется, он готов меня уничтожить...

– Ну, неужели некому заступиться?

– Некому. Тетя одна живет. Я вот здесь сижу и тоже боюсь за нее.

– Так ты к ней хочешь пойти?

– Да. Хочу узнать, не сделал ли он чего...

К обеду разъяснилось, и они вышли из домика.

– Держись за меня. Иди за мной, старайся не отставать и не запинаться.

Она кивнула и пошла за ним, часто поднимая голову, чтобы видеть его спину, его затылок – так ей было спокойнее.

Уже у самого моста хотел попрощаться с ней, но заметил ее впалые глаза и бледность, да еще этот кашель. – Ты что заболела?

– Нет, все нормально, ты иди обратно, тебе нельзя туда, вдруг тебя тоже ищут.

Он стоял и смотрел на нее. Много лет назад он, не раздумывая, кинулся девушке на помощь. А здесь стоял и думал. Потому что был совсем в ином положении. Его действительно ищут, и вполне возможно, могут ждать и в райцентре, и даже в деревне. Выйти к ним – подписать себе приговор.

– Ну ладно, иди – сказал он.

Она ступила на деревянный мост и пошла по нему, спотыкаясь, казалось, что у нее нет сил... Он постоял еще с минуту и вдруг бросился следом.

– Стой! Вместе пойдем. Держись за меня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.